

МОЛЧАЛИВОЕ МЫШЛЕНИЕ

А.А. Штеба

В статье рассматриваются бесконечные энергийно-смысловые потенции слова, реализуемые в тексте. Показано, что каждое слово обладает потенциально безграничным набором рефлексивных векторов, соотношение, специфика реализации которых зависит от множества как лингвистических, так и экстралингвистических знаков. На материале художественных произведений показаны две основных эмоционально-смысловых модуляции семантики слова: сдвиг семантики к отрицательному и положительному аспектам значения. Описанная многомерная сущность семантики слова соответствует безграничной множественности Я-образов коммуникантов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молчаливое мышление, неслучившееся сознание, речетворческая деятельность, энтропия, деконвенционализация, реконвенционализации

ШТЕБА Алексей Андреевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета. alexchteba@yandex.ru

Цитирование: Штеба А.А. Молчаливое мышление [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 3. – С. 221–233. Режим доступа: www.tverlingua.ru

SILENT MIND

Aleksey A. Shteba

The article deals with the infinite energy-semantic potencies of the word that are realised in the text. It is shown that each word has a potentially limitless set of reflexive vectors, the ratio, the specifics of the implementation of which depends on the set of both linguistic and extralinguistic signs. Two main emotional and semantic modulations of the word's semantics are shown: the shift of semantics to the negative and positive aspects of meaning. The described multidimensional essence of the word semantics corresponds to the infinite multiplicity of Self-images of communicants.

KEY WORDS: silent mind, non-realised consciousness, speech-creating activity, entropy, deconventionalisation, reconventionalisation

SHTEBA Aleksey A. – PhD in Philology, docent of the chair of roman philology of Volgograd State Socio-Pedagogical University. alexchteba@yandex.ru

Citation: Shteba A.A. Silent mind [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2020, № 3. – P. 221–233. Access mode: www.tverlingua.ru

Названием для данного сообщения выбрана цитата, принадлежащая Г. Гийому, который указывал, что «в языке записаны не только потребности мышления в непосредственный момент выражения, но и те, которые можно было бы назвать потребностями молчаливого мышления, занятого вне акта речетворчества самосозерцанием и определением лучших способов перехвата того, что в нем происходит» (Гийом, 1992: 68). Языковое мышление, опосредуемое речью, находится в постоянной речетворческой активности, в частности, семасиологической и ономасиологической. Результатом данной деятельности становится поиск либо формы выражения мысли, либо преобразование уже имеющейся формы для обозначения с ее помощью большего содержания.

Э. Гуссерль ввел понятие нейтрального или неслучившегося сознания, когда векторы рефлексии могут быть как фактически осуществленными, так и потенциальными. В рамках феноменологического подхода к анализу слова, при котором описывается содержательная структура слова во всех ее разнообразных проявлениях (Гуссерль, 1987: 59), рефлексия представляет собой энергийно-смысловый и подвижный конструкт. Это приводит к необходимости выделения в содержании слова особого смыслового компонента – нейросемы, являющейся рефлексивным вектором, реализующим смысл. Направление и количество данных векторов принципиально не ограничено, поскольку динамика рефлексивных векторов

обусловлена различными представлениями относительно мыслимого объекта (Карманова 2016: 60).

В процессе речетворческой деятельности происходит взаимодействие представляемого (слово как потенция) и воображаемого (речь) (Карманова, 2010: 91-92). Таким образом, любое слово суть потенция, которая получает реализацию, в том числе смысловую, только в речи. Язык представляет собой совокупность реализаций слов и ограничивает потенции слов, сводя их к наиболее рекуррентному минимуму реализаций. Бесспорно, подобная кодифицирующая деятельность языка необходима для целей коммуникации. С другой стороны, современная лексикографическая практика показывает, что актуальные словари направлены не на нормализацию частотного, а на максимально подробную фиксацию потенций слова в речи. При этом подобные попытки обрекал на неудачу уже цитированный ранее Г. Гийом: «Можно создать словарь слов, входящих в состав языка; нельзя создать словарь предложений, ставших возможными благодаря выбору и употреблению этих слов» (Гийом, 1992: 92).

По мнению И.И. Мещанинова, семантика слова зависит от говорящего, уточняется им и изменяется в процессе использования (актуализации) данного слова в речи (Мещанинов, 1978: 102), подобные семантические изменения слова являются следствием совмещения употребления слова в речи и реализации говорящим своей коммуникативной задачи, т.е. слово, как семиотический знак, дважды актуализирует свои смысловые валентности: сочетания слова и контекста, слова и внутреннего мира говорящего. По этой причине М.В. Никитин (Никитин, 1988: 81) понимал под многозначностью слова естественное и вероятностное свойство последнего.

Семантические изменения – это типичные изменения, частотные преобразования, происходящие во времени и языках, в данных модуляциях нет никакой исключительности. К причинам семантических изменений можно отнести а) внутренние лингвистические факторы (к ним можно отнести процессы расширения и сужения семантики, метафоризацию и

метонимизацию, приобретение словом мелиоративной или pejоративной окраски и пр.); б) историко-культурные факторы; в) социальные; г) психологические. Семантическая модуляция суть процесс перегруппировки разноуровневых признаков в семантической структуре слова при сохранении лексической категориальной семы (Лопушанская, 1988: 6-8; Ильинова, 2013: 42).

В следующем примере показано, как нейтральная по своей нормативной форме представления и фиксации в словарях лексическая единица превращается в эмотив, вызывающий кластер отрицательных эмоций субъекта рефлексии:

(1) Потому что теперь Хуан мог восстановить тот миг, когда услышал заказ толстяка, и был убежден, что голос этот раздался как раз в один из тех моментов тишины, какие обычно возникают среди коллективного гула и народным воображением, не без смутной тревоги, приписываются вмешательству высших сил, ныне десакрализованному и сведенному к принятой в обществе шутке "тихий ангел пролетел". Но ангелы являются не всем присутствующим, и порой кто-то брякнет свое слово, попросит свой "кровавый замок" как раз в середине паузы, дыры, образовавшейся от полета ангела в звучащем воздухе, и это слово вдруг обретает нестерпимые гало и резонанс, которые надо немедленно погасить - смехом, и избитыми фразами, и возобновленным хором голосов, - не считая другой возможности, открывшейся Хуану сразу же, - той, что дыра в звучащем воздухе была пробита для него одного, а прочих посетителей ресторана "Полидор", похоже, мало интересовало, что кто-то заказал "кровавый замок", поскольку для всех них это было лишь блюдо ресторанного меню (Х. Кортасар).

Субъект речи деконвенционализирует семантику представленного в примере номена, что сопровождается погашением денотативной доминанты и акцентированием эмоционально-оценочного экстенционала, потенциально сопровождающего употребление любой лексической единицы. Отраженная

авторским сознанием смысловая валентность слова («*тихий ангел пролетел*») представляет собой эвристическое озарение, благодаря которому объективируются скрытые потенции слова *замок*. Как следствие, в номинации блюда (*кровавый замок*), где слово *замок* уже используется в переносном значении приращается дифференциальной семьей, одновременно становящейся точкой семантической опоры для новых словосочетаний и выражения новых смыслов, а также вытесняющей словарное и узуальное в данном контексте значение. Бесконечность подобных рефлексивных семантических сдвигов обусловлена еще и тем, что подобные эмоционально-смысловые модуляции индивидуальны, когда сознание большинства носителей языка на данный нейтральный стимул отреагирует нейтрально, молчаливо.

По мнению О.В. Голубевой, маркеры-ассоциаты слова составляют его ассоциативно-смысловое поле и формируют сеть потенциальных причинно-смысловых связей. В основе данного процесса лежит принцип субъективной причинности, когда человек выступает активным участником процессов познания и коммуникации (Голубева, 2016: 6). Основопологающей категорией прагматической семантики является категория смысла, под которым принято понимать дополнительное (прагматическое) содержание, приобретаемое словом в процессе его актуализации в коммуникации (Азнаурова, 1973: 12).

Согласно семантическому закону организации языка, все элементарные смыслы, участвующие в выражении какой-либо идеи с помощью языка, настолько связаны между собой, что их сепаратное и изолированное существование невозможно (Колшанский, 2020: 42). Соответственно значение фиксирует только часть элементарных (категориальных) смыслов, необходимых для выражения представления говорящего, когда иные элементарные (факультативные) смысла остаются на уровне экстенционала значения слова.

Рассмотрим следующий пример, в котором показано, как эмоционально-оценочная составляющая слова зависит от отсутствия/наличия национально-культурной маркированности:

(2) Внезапно французские СМИ – радио, телевидение, газеты – запестрели словом «Solidarité», а через несколько месяцев практически все сменили его на хрустяще-шипящее труднопроизносимое польское слово «Solidarność». Потому что это последнее значило гораздо больше, чем просто солидарность. Переведенное на французский слово «солидарность» переставало передавать сущность и значение невиданного до сей поры явления, которое стояло за ним. Перевод лишил слово силы, а явление – свойственной ему символики. Некоторые вещи остаются в памяти и вызывают соответствующие ассоциации лишь тогда, когда они правильно названы. Одни эмоции вызывает слово «поцелуй» и совершенно другие – «французский поцелуй» (Я. Вишневский)

В примере показано, как в результате перевода слово теряет свою эмоционально-оценочную составляющую, национально-культурный опыт, фиксируемый в семантике лексической единицы, не сохраняется при замене слова его эквивалентом в языке перевода. Это подтверждает и положение о принципиальной невозможности эквивалентного перевода, когда передача коннотативного значения приводит к потере ассоциативного потенциала слова. Показательным в представленном примере является также не являющееся целью данного сообщения явление эмоциогенности слова, когда скрытые рефлексивные векторы получают частичную реализацию в виде эмоциональных реакций адресата.

Т.М. Дризде рассматривала схожую проблему смысловых приращений слова через эффект смысловых ножниц. Данное явление, по мнению цитируемого исследователя, предполагает появление семиотического вакуума, вызванное неконгруэнтностью смысловых фокусов речи в процессе общения. Также автор приводит перечень типовых ситуаций, которые

сопровождаются эффектом смысловых ножниц. Среди данных ситуаций выделим некоторые:

- неизвестные и лишенные необходимых ассоциаций имена собственные;
- недоступные адекватному пониманию адресата (неясные) слова и выражения;
- слова и выражения, отличающиеся по окрашенности в данном конкретном тексте от привычного спектра окраски (Дридзе, 1980: 181-182).

В своем исследовании А.П. Савина рассматривает семантическую трансформацию слова *власть*, изначально положительное значение которого по причине использования в отрицательных контекстах вытесняется (Савина 2017: 12). Цитируемый автор указывает, что контекст может актуализировать или гасить оценочный потенциал слов (Савина 2017: 13). Также А.П. Савина затрагивает вопрос внутрисловной антонимии прагмем как единиц оценочной лексики, в семантической структуре которых совмещены предметное значение и оценка обозначаемого словом явления. Энантисемия прагмемы *гордый* обусловлена совмещением в ее семантической структуре значения самоуважения, чувства собственного достоинства и чувства собственного превосходства в чем-либо. В прагмеме *хитрый* совмещены значения сокрытия намерения и чего-то искусно, затейливо сделанного (Савина 2017: 17).

В лингвистике нет общепринятого мнения о месте эмоционального компонента значения в семантике слова. Однако интересно, что неэмоциональность и неоценочность слова также может быть рассмотрена как проявление эмоции и оценки (Маклакова, 2013: 39). Кроме того, место эмоциональности и оценочности в семантике слова может быть как согласованным, так и несогласованным (по терминологии И.А. Стернина). Коннотативная составляющая в семантике слова также гибка и динамична, может меняться в связи с социально-идеологическими процессами в обществе, профессией, возрастном, полом субъект. Предел членения семемы

на семы задается мерой человеческого знания о предмете обозначения (Маклакова, 2013: 43-52), когда предельность сем есть понятие относительное, поскольку «неделимость характеризует сему только применительно к принятому уровню семного анализа.

Направления мены эмоционально-смысловой составляющей слов многообразны и непредсказуемы:

(3) Уже в первые недели между Карелом и Маркетой было договорено, что Карл будет неверен, и Маркета с этим смирится, но зато Маркета получит право быть лучшей, а Карл будет чувствовать себя перед ней виноватым. Никто не знал так хорошо, как Маркета, до чего печально быть лучшей. Она была лучшей только потому, что ничего лучшего ей не было дано (Кундера М. Книга забвения и смеха)

Прилагательное в превосходной степени, нормативно являющееся показателем высшей степени признака, превращается в отрицательный эмотив. Соответственно социальная норма противоречит индивидуальной, которая маркирована субъектным опытом носителя языка. Здесь следует вернуться к понятию ориентации на Другого в процессе коммуникации и указать на то, что коммуникацию невозможно свести к ограниченному непротиворечивому перечню принципов (законов). Речь следует вести о некой срединной модели эффективной коммуникации, когда в зависимости от коммуникативного партнера данная модель обязательно будет претерпевать изменения.

Семантические изменения могут являться как результатом варьирования денотативного значения слова, так и выходить за пределы денотата. В последнем случае семантические изменения (*semantinc shift*) включают разнообразные изменения эмоционального аспекта значения, среди которых выделяются два основных типа:

- а) сдвиг семантики к отрицательному аспекту значения;
- б) сдвиг семантики к положительному аспекту значения.

При этом денотативное значение слов, которые подверглись эмоциональному семантическому сдвигу, может исчезать. Семантика слова предстает одновременно как система и хаос, когда последний может проявляться с большей или меньшей степенью отчетливости. Попытка говорящего привести слушающего в состояние интеллектуального шока, выбить его из привычных схем рассуждений, заставить его мыслить по новым рефлексивным схемам составляет созидающий потенциал хаоса. З.Я. Карманова предлагает выделять следующие аспекты хаосных параметров дискурса:

- провоцирование контекстуально и ситуативно не мотивированных рефлексивных сдвигов;
- ложная ориентация или дезориентация рефлексии;
- блокирование рефлексии;
- рефлексивные помехи и шумы;
- смещение рефлексивных акцентов;
- открытие ложных рефлексивных горизонтов;
- предельная «дерексификация» дискурсных ситуаций;
- актуализация непредсказуемых и деструктивных схем рефлексивного действия (Карманова, 2010: 286).

Неслучившееся сознание, актуализирующее скрытые рефлексивные векторы слова, приводит к разного рода модуляциям смысловой и эмоциональной составляющих лексической единицы. Оценочные вариации семантики могут быть следующих видов: преобразование отрицательной составляющей в положительную, положительной – в отрицательную, эмоционализация нейтральной оценки, интенсификация или деинтенсификация оценочного знака:

(4) Как мне хотелось услышать голос Генриэтты! Пусть бы она сказала хоть что-нибудь: "ничего" или даже "дерьмо". В ее устах это слово не прозвучало бы грубо, ничуть. Раньше стоило только Шницлеру завести речь о "мистическом транс", в который она впадает, как Генриэтта сразу же

выпаливала: "дерьмо", и это слово было такое же милое, как слово "дерево" (Г. Белль).

В представленном примере конвенционально отрицательно-оценочное слово окрашивается положительно, когда говорящий включает его в контекст своего предшествующего опыта (Залевская, 2013: 90). Напротив, данное слово становится своеобразным кодом доступа к идентификации с собеседником, показателем глубины понимания Другого.

Язык как явление социальное превращается в явление ситуативно индивидуальное. Данная потенция по принципу «спирали» может превратиться в эталон для «нового» языка, где планом выражения остается конвенциональный язык, а план содержания изменяется частично или полностью. В результате, происходит семантическое усложнение языка, его деконвенционализация, которая (не) может выступить примером реконвенционализации. Сказанное согласуется с положениями З.Я. Кармановой, указывающей, что вся речемыследеятельности человека балансирует на грани порядок/энтропия, энтропия/хаос и хаос/порядок (Карманова, 2010: 284). При этом хаос – явление не столько сугубо деструктивное, но и конструктивное, когда на цитируемом выше этапе порядок VS хаос последний элемент представляет собой создание «иного» порядка. Обеспечивает процесс создания иного порядка многомерная сущность человека говорящего, в котором концентрируется безграничная множественность Я-образов коммуникантов.

Ссылки – References in Russian

Азнаурова, 1973 – *Азнаурова Э.С.* Очерки по стилистике слова. – Ташкент: Фан, 1973. – 216 с.

Гийом, 1992 – *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. – М.: Изд-ая группа «Прогресс», 1992. – 190 с.

Голубева, 2016 – *Голубева О.В.* Теория эвиденциальности выводного знания: психолингвистический подход. – Автореф. ... докт. филол. н. Тверь, 2016. – 42 с.

Гуссерль, 1987 – *Гуссерль Э.* Феноменология. М.: Наука, 1987. – 283 с.

Дридзе, 1980 – *Дридзе Т.М.* Язык и социальная психология. – М.: Высшая школа, 1980. – 128 с.

Залевская, 2013 – *Залевская А.А.* Абстракция, эмпирия, воображение и эмоция в научном исследовании и в обыденном знании // *Cultural heritage in knowledge, works of art and images: materials digest of the LV international research and practice conference and II stage of the championship in philosophical and historical sciences International Academy of Science and Higher Education.* – London, 2013. – С. 89–92.

Ильионова, 2013 – *Ильионова Е.Ю.* Стилистический аспект семантической модуляции значения слова в ироничном контексте // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание.* – 2013, № 3 (19). – С. 40–47.

Карманова, 2016 – *Карманова З.Я.* Слово в контексте феноменологического инсайта // *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Международной научной конференции. Том. 2.* – Челябинск, 2016. – С. 59–63.

Карманова, 2010 – *Карманова З.Я.* Феноменология слова: слово VS мысль. – М.: ТЕЗАУРУС, 2010. – 319 с.

Колшанский, 2020 – *Колшанский С.Г.* Контекстная семантика. – М.: URSS, 2020. – 200 с.

Лопушанская, 1988 – *Лопушанская С.П.* Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // *Русский глагол (в сопоставительном освещении).* – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1988. – С. 5–19.

Маклакова, 2013 – *Маклакова Е.А.* Типы семантических компонентов. Аспектный подход к семантике слова // Маклакова Е.А., Стернин И.А. Теоретические проблемы семной семасиологии. – Воронеж: «Истоки», 2013. – С. 38– 62.

Мещанинов, 1978 – *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. – М.: Изд-во АН СССР, 1978. – 238 с.

Никитин, 1988 – *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. – М.: Высш. шк., 1988. – 357 с.

Савина, 2017 – *Савина А.П.* Прагмема как средство выражения оценки: семантика, деривация, грамматика. Автореф. ... канд. филол. н. – Москва, 2017. – 23 с.

References

Aznaurova, E.S. (1973) *Essays on the style of the word*, Tashkent, Fan. 216 p.

Gijom, G. (1992) *Principles of theoretical linguistics*, M.: Izd-aya gruppа «Progress», 190 p. (in Russian)

Golubeva, O.V. (2016) *The evidential theory of inferred knowledge: a psycholinguistic approach*, Avtoref. ... dokt. filol. n, Tver, 42 p. (in Russian)

Gusserl, E. (1980) *Phenomenology*, M., Nauka. 283 p. (in Russian)

Dridze, T.M. (1980) *Language and social psychology*, M., Vysshaya shkola. 128 p. (in Russian)

Zalevskaya, A.A. (2013) Abstraction, empyria, imagination, and emotion in scientific research and in everyday knowledge // *Cultural heritage in knowledge, works of art and images: materials digest of the LV international research and practice conference and II stage of the championship in philosophical and historical sciences International Academy of Science and Higher Education*, London, pp. 89–92. (in Russian)

Ilionova, E.Yu. (2013) Stylistic aspect of semantic modulation of word meaning in an ironic context // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universitet*, Ser. 2, YAzykoznaniiya, № 3 (19), pp. 40–47. (in Russian)

Karmanova, Z.YA. (2016) The word in the context of phenomenological insight // *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektah: materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*, Tom 2, Chelyabinsk, pp. 59–63. (in Russian)

Karmanova, Z.YA. (2010) *The phenomenology of the word: the word vs. thought*, M., TEZAURUS, 319 p. (in Russian)

Kolshanskij, S.G. (2020) *Contextual semantics*, M., URSS, 200 p. (in Russian)

Lopushanskaya, S.P. (1988) Changing the semantic structure of Russian non-prepositional verbs of movement in the process of modulation // *Russkij glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii)*, Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 5–19. (in Russian)

Maklakova, E.A. (2013) *Types of semantic components. A faceted approach to the semantics of the word*, Voronezh, «Istoki», pp. 38–62. (in Russian)

Meshchaninov I.I. (1978) *Sentence members and parts of speech*, M., Izd-vo AN SSSR, 238 p. (in Russian)

Nikitin, M.V. (1988) *Fundamentals of the linguistic theory of meaning*. M. : Vyssh. shk. 357 p. (in Russian)

Savina, A.P. (2017) *Pragmem as a means of expression evaluation: semantics, derivation, grammar*. Avtoref. ... kand. filol. n., Moskva, 23 p. (in Russian)